

В голове у Цзян Ехуна загудело.

— Толкнуть? Прямо в бездну?

— Да, — А-Лан горько усмехнулся, и в этом смехе не было радости — лишь застарелая, выжженная изнутри боль. — Они втайне следили за моим отцом. И когда он спустился со скалы за лечебными травами, эти твари перерезали его страховочную веревку. Папа рухнул в пропасть... Я видел всё своими глазами. Это сделал Ло Чуньчжи. Я был совсем мал, и когда сумел спуститься к подножию, отец едва дышал. Он наказал мне молчать, во что бы то ни стало хранить тайну, и велел найти способ предупредить господина Гао, чтобы тот поскорее убирался из деревни. Похоронив отца, я собирался всё рассказать... Но из-за исчезновения трех дочерей господин Гао слег. Мне нельзя было медлить, нельзя...

Десять лет назад восьмилетний А-Лан, ослепленный горем, затаил в сердце ярость. Он должен был исполнить последнюю волю отца и предупредить господина Гао Цзылиня о коварстве старосты и его прихвостней. В ту безлунную ночь мальчик тайком прокрался к усадьбе Гао. Но стоило ему подойти, как он увидел Ло Чуньчжи, Ли Фугуя и еще двоих, ведущих за собой целую толпу к западной окраине деревни. А-Лан, дрожа от страха, последовал за ними.

Среди бандитов был некто Лю Чжэн, владевший боевыми искусствами. Он перемахнул через стену, проник в дом и пустил усыпляющий дым. Когда все в поместье забылись тяжелым сном, налетчики распахнули ворота и вошли внутрь — настоящие стервятники, не знающие пощады.

Лю Чжэн приказал связать всех домочадцев. Староста плеснул водой в лицо Гао Цзылиню, требуя выдать, где спрятан Изумрудный цилинь. Но Гао оказался крепким орешком: даже когда ему выбили зубы, он не проронил ни слова.

Днем стояла невыносимая жара, земля потрескалась от зноя. Маленький А-Лан лежал на стене, и раскаленный камень обжигал ему руки. Гао Цзылинь, избитый до неузнаваемости, прохрипел:

— Мои дочери... Это вы их сгубили?

Ло Чуньчжи лицемерно и жадно усмехнулся. Он переглянулся с Ли Фугуем и расхохотался:

— Скажешь, где Изумрудный цилинь — узнаешь, где твои девки. Три красавицы в обмен на одну статуэтку, разве это не честная сделка?

Гао Цзылинь судорожно вздохнул, кровь из разбитых губ стекала по шее.

— Даже если я скажу, вы не дадите мне их увидеть... Звери! Будьте вы прокляты! Клянусь, я стану злобным духом и не дам вам покоя!

Громовой разряд, казалось, расколот само небо. Люди в страхе замерли. А-Лан от неожиданности сорвался со стены, разодрал колено. Когда он снова сумел заглянуть во двор, на него обрушился новый раскат грома. Мальчик задрожал: деревенские старики говаривали, что такие сухие грозы предвещают беду. Но, помня о доброте господина Гао, он, преодолевая ужас, вновь поднялся на стену.

Под грохот небес Ло Чуньчжи и остальные заткнули Гао Цзылиню рот и затащили его в дом, заперев дверь снаружи. Лю Чжэн и Ли Фугуй принялись грабить усадьбу: они выносили мешки, набитые золотом и драгоценностями, скалясь, как дикие звери. Гром гремел не переставая. Бандиты со смехом опрокинули чаны с маслом, и Ли Фугуй бросил зажженное огниво.

Усадьба мгновенно превратилась в огненный ад.

А-Лан оцепенел. Он хотел броситься на помощь, но пламя уже лизало крышу, а убийцы стояли у ворот и равнодушно смотрели, как огонь пожирает жизни.

Договорив, А-Лан окончательно побледнел. Раскаяние и ненависть в его голосе сменились тяжелым вздохом.

— На самом деле, Сюй-вэн тоже всё видел. Но он не посмел пикнуть. Вся Деревня Девяти Семей была под их пятой.

Жун Жо оставался спокоен — в отличие от Цзян Ехуна, чье лицо покраснело от гнева. Юноша знал: человеческая низость порой не имеет границ.

— Неужели на них нет никакого закона? — вскипел Цзян Ехун.

А-Лан горько расхохотался:

— В Деревне Девяти Семей они и были законом. Любая их прихоть становилась истиной. Когда приезжали ловцы, никто не смел раскрыть рта. Эти твари безнаказанно грабили людей, бесчестили женщин... Они творили такое... — Он запнулся. — Никакого Лунного Божества нет. Всё это — ложь, которую они выдумали, чтобы прикрыть свои зверства.

Упоминание Лунного Божества привело Цзян Ехуна в еще большую ярость, но он понимал: нужны неопровержимые улики.

— А-Лан, если я схвачу их всех, ты пойдешь в ямэнь свидетелем?

Мальчик на мгновение заколебался, но затем сжал кулаки и твердо встретил взгляд Главы павильона:

— Пойду. Господин, если вы их арестуете, многие в деревне найдут в себе смелость заговорить.

— Решено! — Цзян Ехун хлопнул по столу. — А-Жо, идем.

Жун Жо не спешил подниматься. Он еще раз внимательно посмотрел на юношу.

— Тот, кто оглушил меня и притащил к алтарю... Это ведь был ты?

А-Лан виновато опустил глаза.

— Простите меня, молодой господин. Жертвоприношение было близко, я не знал, как еще спасти невинных... Голова совсем не соображала. Я думал, если брошу вас у алтаря, господин Чу Фэй раскроет их тайну. Простите...

Жун Жо мягко улыбнулся:

— Вот оно что. Мы и правда благодаря этому всё узнали. Я не держу на тебя зла — в тех обстоятельствах это был едва ли не единственный выход.

— Благодарю за милость, господин, — А-Лан поклонился еще ниже.

Когда они вышли на улицу, Цзян Ехун спросил:

— Как ты догадался, что это он тебя похитил?

Жун Жо невинно моргнул:

— С того момента, как мы вошли, он старательно прятал глаза. Так ведут себя люди, которые чувствуют перед тобой вину.

— И только-то?

— Только-то. Не бывает беспричинной ненависти, как не бывает и беспричинного раскаяния.

Цзян Ехун задумался. Пожалуй, в этом была своя правда. Он глубоко вздохнул, пытаясь унять kloкочущий внутри гнев.

— Сердца людей... темный омут.

Жун Жо шел рядом, его голос звучал странно отчужденно:

— Тьму в человеческой душе невозможно измерить. Порой даже родной брат — загадка.

Цзян Ехун украдкой взглянул на спутника. В этот миг Жун Жо не казался тем кротким юношей, к которому Глава павильона привык. В его взгляде промелькнуло нечто холодное, почти чужое. Впрочем, может, это была лишь минутная тень, вызванная печальным рассказом?

— Не знаю, решатся ли они на обряд сегодня, — пробормотал Цзян Ехун. — Нужно выставить дозоры.

Жун Жо послушно кивнул и вновь мягко, как весенняя вода, улыбнулся. У Цзян Ехуна против воли зарделись уши.

— Пойду, проинструктирую Лао Чжао.

Смерть Ло Чуньчжи и Чжоу Чжаотана повергла деревню в оцепенение. Кроме нескольких крестьян, ушедших в поле, на улицах не было ни души. Деревня вымерла.

Тем временем Жун Жо осматривал тело старосты. Картина была жуткая: глаза выжжены ядом, на их месте зияли две кровавые дыры. Цзян Ехун, прислонившись к дверному косяку, наблюдал за Лю Чжэном, который суетился, организуя похороны. Почему староста и глава клана так внезапно захотели увидеть свиток «Небесного полета»? Это не давало Жун Жо покоя.

Юноша отогнул ворот одежды на трупе и замер. На бледной коже виднелась крошечная фиолетовая точка, не больше комариного укуса. Если не приглядываться — не заметишь. В глазах Жун Жо на мгновение вспыхнул фиолетовый отблеск.

— Нашел что-нибудь? — зевнул Цзян Ехун.

Жун Жо выпрямился и безмятежно улыбнулся:

— Ничего нового. Могу лишь подтвердить: и староста, и глава клана убиты ядом гу. Брат Чу, «Белый сон» — редкая отравка, ее даже на черном рынке не сыскать. А чтобы она подействовала, нужен особый состав, вроде благовония «Ловец грез», иначе паразит не проснется. Откуда у убийцы такая экзотика?

Цзян Ехун нахмурился.

— Верно... Пока не поймем мерзавца, до источника не докопаемся. Таким вещам не место среди людей.

Жун Жо опустил рукава, прикрывая белизну кожи, и Цзян Ехун, нечаянно засмотревшись на его запястье, густо покраснел до самых корней волос.

— Пойдем... перекусим чего-нибудь.

Ночью, когда в домах затихли плакальщики, Цзян Ехун и Жун Жо осторожно покинули деревню. Они направились к лесу, где Чжао Чэнь уже разбил скрытый пост. Ван Дун утверждал, что именно этой дорогой жертв ведут к алтарю. Ночь выдалась ледяной, у ловцов коченели пальцы.

— Не спать, — шепнул Цзян Ехун. — Закончим дело — всех угощаю лучшим вином.

Слова о выпивке мигом взбудрили отряд. И вовремя: спустя четверть часа в темноте показались огни. Процессия в ритуальных масках двигалась причудливыми скачками, размахивая руками. На деревянных креслах несли связанных мужчин и женщин; их рты были заткнуты, в глазах застыл животный ужас.

У Цзян Ехуна мороз прошел по коже. Выждав, пока процессия отойдет подальше, они двинулись следом. План был прост: Ван Дун ведет их тайной тропой, чтобы они могли ударить в самый момент начала танца, пока головы еще не начали падать.

Когда толпа достигла Алтаря Лунного Божества, вперед вышел Лю Чжэн. После смерти Чжоу и Ло он наконец-то чувствовал себя полновластным хозяином. В его жилах бурлило предвкушение: скоро всё богатство и все женщины деревни будут принадлежать ему одному.

— Живее! — командовал он, упиваясь властью. — Расставляйте «посланников божества» по местам!

Жертв привязали по углам алтаря. Жрецы начали свой зловещий танец. Лю Чжэн стоял в центре, раскинув руки, словно император, принимающий подданство целого мира.

Вдруг в воздухе отчетливо потянуло сосновым маслом. Лю Чжэн принялся. Запах становился всё сильнее. Он сбежал по ступеням алтаря и замер.

У входа стоял человек. Спутанные волосы закрывали лицо, фигура в лохмотьях выглядела пугающе неподвижной. Но из-под грязных прядей он смотрел острым и холодным взглядом, как лезвие ножа.

— Проклятый сумасшедший! Ты что здесь забыл? — гаркнул Лю Чжэн.

Гао Ли медленно отвел волосы от лица. Он ледяно усмехнулся.

— Пришел проводить тебя в последний путь.

Лю Чжэн пошатнулся от неожиданности.

— Ты... ты говоришь?!

Гао Ли расхохотался. Танцоры замерли, уставившись на «немого». Тот неспешно опустился на каменные ступени у входа.

— Если бы я не прикинулся немым, разве я бы дожил до этого дня? Чжоу Чжаотан сдох. Ло Чуньчжи сдох. Теперь твоя очередь, пес, отправляться в ад.

Гао Ли достал огниво. Лю Чжэн в ужасе огляделся: всё вокруг — камни, ступени, одежда пленников — было пропитано сосновым маслом.

— Стой! Гао Ли, опомнись! Ты же сожжешь нас всех заживо!

Гао Ли посмотрел с безумным торжеством. Шрам от ожога на его лице в свете факелов сделал его похожим на демона.

— Когда вы заживо жгли семью Гао, вы о людях не думали. Я ждал десять лет. Довольно. Пора вам встретиться с Яньваном.

Гао Ли дунул на тлеющий трут. Пламя мгновенно перекинулось на разлитое масло. Вспышка — и алтарь превратился в костер. Всё было как в ту ночь: гроза без дождя, торжество зла и крики невинных. Только сегодня в огне будут корчиться виновные.

— Я буду смотреть, как вы сгораете в пепел, — прошептал Гао Ли.

Он был сиротой. Ребенок, который заговорил позже других. В деревне его считали дурачком, каждый норовил пнуть или обругать. У него не было даже имени — его называли А-Гоу, «Псом». Он жил на подачки, спал под чужими навесами, как бродячее животное.

Всё изменилось, когда Гао Цзылинь переехал на западный склон. Заметив несчастного ребенка и узнав его историю, Гао привел его в дом.

«У тебя нет имени? Будешь Гао Ли. Ты человек, а не пес. Стой прямо и живи с достоинством. Пока у меня есть хоть корка хлеба, ты не будешь голодать».

Гао Ли смотрел на огонь, и в его глазах отражалось пламя возмездия. Сегодня Пёс наконец-то защитил своего хозяина.

<http://bllate.org/book/17428/1658674>